

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554

Научная статья / Research article

Популизм во внешней политике Турецкой Республики

В.А. Аватков^{1,2}

¹ Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Российская Федерация

² Дипломатическая академия МИД России, Москва, Российская Федерация

 v.avatkov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению роли и особенностей популизма во внешней политике современной Турецкой Республики. Популизм стал особенно популярен во внешнеполитическом дискурсе Турции после прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г. и Р.Т. Эрдогана на пост президента в 2014 г. Особое внимание уделено популистским высказываниям лидера Турции Р.Т. Эрдогана, озвученным им в контексте трех ключевых внешнеполитических идеологем — неоосманизма, неопантюркизма и исламизма. Пропаганда идей неоосманизма нацелена на возвращение Турции былого — имперского — величия; конечной целью турецкого популизма в тюркских государствах является формирование новой туркоцентричной подсистемы международных отношений — «тюркского мира»; что касается религиозного дискурса, то исламский популизм Турции внутри страны, прежде всего, направлен на консервативную часть населения государства, а на международной арене — на представителей мирового исламского сообщества. Ключевой задачей такого популизма Турции является постепенный отход страны от принципов М.К. Ататюрка и светского характера государства, а также формирование общественного мнения о том, что Анкара является центром исламского мира. Делается вывод, что турецкий популизм является достаточно эффективным и помогает правящей элите достигать поставленных внешнеполитических целей. Во многом успех турецкого популизма зависит от грамотной политики его реализации Р.Т. Эрдоганом, представляющим собой классический пример восточного политика, которому свойствен харизматический тип лидерства. Тем не менее ситуация в значительной степени может измениться в случае смены в Турции власти и появления в будущем нового лидера, а вместе с ним — новых популистских механизмов.

Ключевые слова: Турция, Р.Т. Эрдоган, СМИ, лидерство, популизм, неоосманизм, пантюркизм, исламизм, кемализм, эрдоганизм

Для цитирования: Аватков В.А. Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 543—554. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554

Populism in the Foreign Policy of the Turkish Republic

Vladimir A. Avatkov^{1,2}

¹ Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russian Federation

² Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow, Russian Federation

 v.avatkov@gmail.com

Abstract. The paper explores the role and peculiarities of the populism in the modern foreign policy of the Republic of Turkey. Populism became especially popular in Turkey's foreign policy discourse when the Justice and Development Party came to power in 2002 and R.T. Erdoğan as President in 2014. Special attention is paid

© Аватков В.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

to R.T. Erdoğan's populist statements made in the context of the key foreign policy ideologies — Neo-Ottomanism, Neo-Panturkism and Islamism. The propaganda of Neo-Ottoman ideas is aimed at restoring Turkey to its former Imperial greatness. The ultimate goal of Turkey's populism in Turkic states is to form a new Turkish-centric subsystem of international relations — the "Turkic world". Turkey's Islamic populism within the country is primarily aimed at the conservative part of the population and at the world Islamic community on the international arena. The main task of such populism is the gradual abandonment of the principles of M.K. Atatürk and the secularism, as well as the formation of public opinion that Ankara is the center of the Islamic world. The author comes to the conclusion that Turkey's populism is quite effective and assists the ruling elite in achieving its foreign policy goals. In many ways, the success of Turkey's populism depends on the competent policy of its implementation by R.T. Erdoğan — a classic example of an Eastern politician with a charismatic type of leadership. However, the situation may change significantly in case of the power change in Turkey, emergence of a new leader and, consequently, new populist mechanisms.

Key words: Turkey, R.T. Erdoğan, mass-media, leadership, populism, Neo-Ottomanism, Pan-Turkism, Islamism, Kemalism, Erdoğanism

For citation: Avatkov, V. A. (2021). Populism in the Foreign Policy of the Turkish Republic. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(3), 543—554. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554>

Введение

Популизм является органичной составляющей внешнеполитического курса Турции на современном этапе. В условиях изменения ближневосточной подсистемы и структуры международных отношений в целом (Савичева, 2014, с. 15) вокруг него строятся ключевые идейно-ценностные послы и стратагемы правящей элиты, без которых сложно понять цели и деятельность Анкары в мировой политике.

Рост значения популизма во внешней политике Турции встраивается в расширение идеологической составляющей мирового порядка. Укрепление националистических и консервативных взглядов, их противостояние классическим глобальным ценностям — все это должно было найти свое отражение и в турецком политическом процессе. Современная «новая Турция» Р.Т. Эрдогана позиционирует себя мировой державой, формулирует идейные концепты своего доминирования в сопредельных регионах и делает символические шаги для подчеркивания собственной роли (Аватков, 2017, с. 96).

Во внешнеполитическом курсе Анкары доминируют два синдрома — имперскости (Атаç, 2019, р. 65) и ущемленности системой международных отношений. Первый проявляется в радикальном переосмыслении исторического и пропаганде османского наследия в качестве «позитивного и идеализированного», а также «прогрессивного» (Надеин-Раевский, 2020, с. 141).

Второй синдром требует от властей символических шагов по укреплению положения Турции на международной арене и проявляется в том, что Анкара не боится бросать вызов всей системе международных отношений, а Р.Т. Эрдоган продолжает утверждать, что «мир больше пяти» членом Совета Безопасности ООН, требуя расширить участие растущих региональных держав в мировом политическом процессе.

Вышеописанные синдромы априори требуют наличия идеологизированных и популистских концептов, которые естественным образом объединялись бы в идеологический конструкт. По сути, такого рода конструктом стала «многовекторность по-турецки», которая подразумевает использование своего геополитического пространства, равноудаленность от Запада и Востока (при росте значения последнего) и доминирование в трех пространственных измерениях, а также определяет региональную великодержавность Турции.

В основу такого популистского конструкта были положены три идеологемы — неоосманизм, неопантюркизм и исламизм по-турецки. Турция стремится быть лидером на постосманском и тюркском постсоветском пространстве, а также в исламском мире. Тем не менее, несмотря на такие идейно-ценностные ориентиры, в случае с турецким популизмом было бы не совсем целесообразно при его исследовании опираться на подход,

например, К. Мюдде и других политологов, понимающих под популизмом, прежде всего идеологию (Mudde, 2004, p. 543). Популизм в Турецкой Республике является скорее неофициальной частью идеологии правящей элиты, в связи с чем для его изучения более подходящим представляется подход К. Вейланда, рассматривающего популизм в том числе как политическую стратегию, которая может иметь разнообразные меняющиеся идеологические ориентации (Weyland, 2013, p. 20).

Происламский популизм

Наибольшее значение в контексте современного популизма приобрело религиозное направление, основанное на идее главенства Турецкой Республики в исламском мире (Вайнштейн, 2017, с. 71). В контексте Турции его уникальность состоит в том, что со времен М.К. Ататюрка государство носило светский характер, что на практике означало отделение институтов государственной власти от религии. Мысль о Турции как новой колыбели ислама привнес в массы президент Р.Т. Эрдоган, который начал карьеру с происламских партий, впоследствии основав умеренно-исламистскую Партию справедливости и развития (ПСР) (Киреев, 2004, с. 87). Лидер государства начал активную популяризацию политического ислама внутри страны, постепенно вынося данный вопрос на внешнеполитическую повестку.

Так, с течением времени в дискурсе официальной Анкары появился пункт о защите палестинцев, уйгуров КНР и населяющего Мьянму народа рохинджа — главным образом как представителей мусульманского сообщества. Кроме того, в своей борьбе с «исламофобией» — еще одной ветвью религиозного популизма — Турция перешла к довольно агрессивной риторике в отношении своих западных коллег, в частности Франции. Идеологическое столкновение союзников по Североатлантическому альянсу, которое достигло пика к 2020 г., во многом было спровоцировано словами Ф. Макрона о борьбе с сепаратизмом и радикальным исламизмом. Президент Турции в достаточно резкой манере высказался о ситуации, намекнув

своему коллеге о проблемах с психическим здоровьем и сравнив его действия с «фашизмом»¹. Примечательно, что такие слова были озвучены Р.Т. Эрдоганом в ходе митинга в Кайсери — небольшом центрально-анатолийском городе, где проживает консервативная и восприимчивая к подобным речам часть населения страны. Позднее лидер Турции и вовсе призвал сограждан к бойкоту французских товаров², что, однако, в равной степени могло быть вызвано затяжным экономическим кризисом и необходимостью поддержки турецких производителей.

Подобная идейная конфронтация со странами Запада также вызвана внешнеполитическим разворотом Турции на Восток и частичным дистанцированием от западочентричных процессов. И если среди консервативных групп такая политика приветствуется, то западно ориентированные круги турецкого общества, преимущественно проживающие в крупных городах, такие перемены не одобряют. Таким образом, задача популизма в данном случае заключается в формировании благосклонно относящегося к правящей элите общества и его убеждению в правильности проводимой руководством политики. Во многих публичных выступлениях Р.Т. Эрдоган стремится донести до общественности мысль о том, что западные ценности, к которым Турция стремилась на начальном этапе своего государственного строительства, являются пережитком прошлого, в то время как почитание исламских традиций представляет собой залог успешного развития (Baran, 2010).

Особенно трепетное отношение президента Турции в данном контексте прослеживается к мусульманским святыням, находящимся на территориях немусульманских государств или спорных территорий. Так, в 2018 г., комментируя действия Израиля в секторе Газа и решение о переносе посольства

¹ Эрдоган посоветовал Макрону «лечить психику» после идеи о «просвещенном исламе» // Известия. 24.10.2020. URL: <https://iz.ru/1078140/2020-10-24/erdogan-posovetoval-makronu-lechit-psikhiku-posle-idei-o-prosveshchennom-islame> (дата обращения: 30.11.2020).

² Эрдоган призвал к бойкоту французских товаров // РИА Новости. 26.17.2020. URL: <https://ria.ru/20201026/erdogan-1581588917.html> (дата обращения: 30.11.2020).

США из Тель-Авива в Иерусалим на полях чрезвычайного саммита Организации исламского сотрудничества, Р.Т. Эрдоган заявил, что статус Иерусалима — первой киблы ислама, представленной мечетью Аль-Акса, — является «красной чертой» для мусульман³.

При этом следует подчеркнуть, что глава Турции не боится переходить условную «красную черту христиан», принимая решение о превращении Собора Святой Софии и других неисламских святынь в мечети. Более того, Р.Т. Эрдоган уверенно противостоит политике отца-основателя Турецкой Республики, называя смену статуса собора на музей в далеком 1934 г. «исторической ошибкой»⁴, которую нынешние власти страны великодушно исправили во имя блага своего же народа. Все эти действия носят открытый популистский характер, нацеленный на сплочение вокруг правящей элиты консервативной части населения, с идейными установками которой в свое время боролся М.К. Ататюрк.

Вероятно, Р.Т. Эрдоган тем самым стремится не только образовать на территории своей страны новую киблу, концентрируя исламский мир, и прежде всего суннитские страны, вокруг Турции, но и создать образ нового национального лидера, который останется в истории. В целом подобно западному феномену «трампизма» (Печатнов, 2017) и вместо укоренившегося с десятилетиями «кемализма» (Atatürkçülük) в турецком публичном медиапространстве уже укрепилось понятие «эрдоганизма» (Erdogancılık)⁵.

Даже несмотря на то, что «эрдоганизм» нередко рифмуется с новым султанатом, употребляется журналистами и общественными активистами в негативном ключе и стоит в

одном ряду с «анти-эрдоганизмом», можно сделать вывод, что неординарная политика Р.Т. Эрдогана, в том числе и его провокационные высказывания, все же выполняют возложенные на них функции по пропаганде «культы личности» Р.Т. Эрдогана и предложенных им идей. В негативном контексте или нет — персона действующего президента Турции, даже в сравнении со многими мировыми фигурами, дает определенное количество инфоповодов, возводя его личность в ранг одного из самых обсуждаемых политиков современности, что в действительности означает следующее: Р.Т. Эрдоган уже находится на полпути к достижению поставленных целей и в среднесрочной перспективе, вероятно, будет наполнять свою происламскую риторику новыми смыслами.

Турецкий «тюркский мир»

Отдельную нишу во внешнеполитическом популизме Турции занимает тюркское и тюркоязычное пространство, в первую очередь представленное государствами Центральной Азии, Закавказья и некоторыми субъектами Российской Федерации. Известно, что с начала 1990-х гг. политика Турецкой Республики была всецело обращена в сторону тюркских стран. Анкара распространяла свое влияние, создавая интеграционные проекты под своей эгидой и возрождая пантюркистские настроения. В общественно-политической среде тюркоязычные народы России и СНГ уже тогда именовались «внешними турками»⁶, однако открыто об их объединении в общее пространство в то время предпочитали не говорить, лишь изредка подчеркивая главенствующую роль Турции в близких к понятию интеграции процессах.

С избранием Р.Т. Эрдогана президентом Турции в 2014 г. в официальном политическом дискурсе стало укрепляться словосочетание «тюркский мир», в рамках которого Турция рассматривалась и продолжает рассматриваться в качестве лидера и идейного

³ Эрдоган назвал статус Иерусалима «красной чертой» для мусульман // РИА Новости. 19.05.2018. URL: <https://ria.ru/20180519/1520901500.html> (дата обращения: 30.11.2020).

⁴ Эрдоган назвал изменение статуса Айя-Софии исправлением ошибки // РИА Новости. 14.07.2020. URL: <https://ria.ru/20200714/1574355684.html> (дата обращения: 30.11.2020).

⁵ Bayramoğlu A. Erdogancılık ve anti-Erdogancılık arasında // Yeni Şafak. 02.01.2015. URL: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/alibayramoglu/erdogancilik-ve-anti-erdogancilik-arasinda-2006935> (accessed: 30.11.2020).

⁶ Грязев А. Обыграть Москву: как Анкара строит тюркский мир // Газета.ru. 18.07.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/07/18_a_13157329.shtml?updated (дата обращения: 30.11.2020).

вдохновителя общетюркских инициатив и институтов. При этом в текущий период времени мысли о «тюркском мире» — особой туркоцентричной подсистеме международных отношений — звучат не только от вышестоящих властных элит, но и распространяются на региональном уровне.

Ярким примером могут послужить слова губернатора г. Эдирне Э. Джанальпа, который является одним из городов-претендентов на статус культурной столицы тюркского мира в 2021 г. В ходе встречи с Генеральным секретарем турецкой Международной организации тюркской культуры (ТЮРКСОЙ) губернатор, многозначительно подчеркнув, что Эдирне также может рассматриваться еще и с точки зрения культурного центра Балкан, заявил следующее: «Вы представляете обширное пространство — тюркский мир. Мы вместе будем стремиться к тому, чтобы сделать как Эдирне и Турцию, так и тюркский мир более интегрированными друг с другом и более взаимосвязанными»⁷.

При этом для Турции создание «тюркского мира» является результатом того самого синдрома ущемленности глобальными процессами и скорее представляет собой инструмент исправления исторической несправедливости вселенского масштаба: в условиях, когда для Турции не нашлось места в мировой системе международных отношений, она решительно создает свою собственную, вовлекая туда большое количество акторов, что у нее в том числе за счет популизма — при всем количестве идейных недостатков и неточностей — в целом получается.

Демократия и справедливость по-турецки

Помимо вышперечисленного на внешнеполитической арене Турция также выступает защитником мира и демократии. В первом случае это проявляется в поддержке «угнетенных», которых Анкара хотела бы

представлять в Совете Безопасности ООН. Во втором случае — Турция говорит о себе как о самом демократическом государстве (Ünal, 2018, p. 267), которое поддерживает отдельно взятые народы (к примеру, народ Сирии) и законные, по его мнению, правительства.

На пространстве Ближнего Востока, и в частности Сирийской Арабской Республики, Турция вскоре после начала в регионе «арабской весны» и массовых антиправительственных выступлений приняла сторону оппозиции и протестующих, придерживаясь роли «посла демократии» на ближневосточном пространстве (Глазова и др., 2015, с. 94). Вскоре Турция достаточно однозначно стала высказываться против дальнейшего «незаконного» нахождения на посту президента Сирии Б. Асада — противника одного из ключевых энергетических проектов Анкары и Дохи (катаро-турецкого газопровода) и к тому же алавитов.

Результатом подобных настроений и одним из векторов сирийского направления внешней политики современной Турции стала поддержка деятельности населяющих север страны сирийских туркменов, или туркоманов, — тюркского народа, в составе вооруженных формирований воюющего против официального Дамаска и курдов и по этой причине представляющего особый интерес для Турции⁸.

Аналогичную политику Анкара проводит и в соседнем Ираке, под предлогом защиты туркоманского населения вводя свои войска в нефтеносные районы страны, в частности в Мосул (Balci, 2017, p. 353). Более того, в своей аргументации власти Турецкой Республики нередко прибегают к искажению фактов, выдавая желаемое за действительное. Так, например, в Турции заявляли о том, что большую часть населения Мосула составляют именно туркоманы, в то время как в реальности еще после освобождения региона от террористов ИГИЛ⁹ этнографическая обстановка существенно изменилась (Наумкин, 2019, с. 85).

⁷ Baran S. Edirne ‘Türk Dünyası Kültür Başkenti’ olmaya aday // Anadolu Ajansı. 16.09.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/edirne-turk-dunyasi-kultur-baskenti-olmaya-aday-1975139> (accessed: 30.11.2020).

⁸ Волков К. Что за шум вокруг Идлиба // Российская газета. 18.02.2020. URL: <https://rg.ru/2020/02/18/zachem-turciia-prishla-v-siriiu.html> (дата обращения: 01.12.2020).

⁹ Организация запрещена в РФ.

Особое внимание также следует уделить египетскому кейсу. В ходе кризиса в этой арабской стране, который в конечном итоге завершился свержением президента М. Мурси, Турция совместно со своим союзником в лице Катара активным образом осуждала попытки смены власти и организованный в 2013 г. военный переворот. Причина такой обеспокоенности Турции и Р.Т. Эрдогана лично заключалась в том, что экс-президент Египта М. Мурси был верным союзником Анкары и принадлежал к панисламистской организации «Братья-мусульмане»¹⁰, идеологические взгляды которой разделяет лидер Турции (Надеин-Раевский, 2020, с. 141).

В тот период во многих городах Турецкой Республики, включая Стамбул и Анкару, возле посольства и консульства Египта прошли митинги молодежного крыла ПСР и других гражданских активистов под лозунгами «Сопrotивляйся, Мурси, умма с тобой» и «От Анкары до Египта — тысяча приветов братьям»¹¹ (вероятно, отсылка к «Братьям-мусульманам»), одновременно совмещающими в себе демократическую и происламскую риторику.

Что касается ситуации в Ливии, то до формирования в марте 2021 г. Правительства национального единства Турецкая Республика поддерживала официально признанное ООН Правительство национального согласия (ПНС) и открыто заявляла о «нелегитимности» власти Х. Хафтара¹². Несмотря на то, что поддержку официального Триполи можно объяснить простой выгодой (Турецкая Республика заключила с Ливией соглашения о делимитации морских зон и военном сотрудничестве, Анкара поставляет в регион свои вооружения и в целом укрепляет позиции на Севере Африки), Ливийская

национальная армия (ЛНА), возглавляемая Х. Хафтаром, не могла бы стать союзником Анкары по определению. Силы ЛНА поддерживаются главными геополитическими конкурентами Турецкой Республики на Ближнем Востоке и в исламском мире — Саудовской Аравией, ОАЭ и Египтом, по причине чего ставка Анкарой была сделана на ПНС.

Следует отметить, что подобная политика государства вполне вписывается в еще один ключевой внешнеполитический идейный концепт Турции, который можно охарактеризовать как «справедливость». Однако с оговоркой, что справедливость — «по-турецки» и никак иначе. Президент Р.Т. Эрдоган и по совместительству глава одной из правящих в Турции партий с символическим названием «Справедливости и развития» имеет собственную, весьма отличающуюся от общепринятых, трактовку этого понятия.

Справедливость в понимании лидера Турции — это интеграция тюрок под турецким началом, лояльные Турции режимы в странах-партнерах и в целом — ведение игры по правилам Анкары. Несправедливость в интерпретации лидера страны, напротив, представляет собой отсутствие Турции среди постоянных членов СБ ООН, критику ее незаконных с точки зрения международного права, но законных с точки зрения национальных интересов действий на территориях приграничных государств, неготовность мирового сообщества воспринимать Республику как мирового актора и ряд других ситуаций, противоречащих идеалистическим воззрениям властной элиты Турции.

Диаспора как особый объект популизма

В отдельном рассмотрении нуждаются инструменты популизма, применяемые властями в отношении турецкой диаспоры, проживающей за рубежом. Довольно показательными представляются события 2017 г., когда внимание турецкой общественности было сконцентрировано вокруг процедуры проведения конституционного референдума на фоне крупномасштабного кризиса в отношениях между европейскими и турецкими властями.

¹⁰ Организация запрещена в РФ.

¹¹ İstanbul ve Ankara'da Mursi'ye destek gösterişi // Anadolu Ajansı. 03.07.2013. URL: <https://www.aa.com.tr/dunya/istanbul-ve-ankarada-mursiye-destek-gosterileri/234597> (accessed: 01.12.2020).

¹² Эрдоган назвал Хафтара «проплаченным легионером» // RT. 21.02.2020. URL: <https://russian.rt.com/world/news/720951-erdogan-peregovory-haftar> (дата обращения: 01.12.2020).

Поводом для противоречий стало решение некоторых стран Европейского союза отказать турецким политикам в проведении агитационных митингов, а также запрет Роттердама на посадку самолета с министром иностранных дел Турции на борту. Инцидент традиционно спровоцировал протесты в Турции, и, вероятно, не без воздействия Р.Т. Эрдогана также повлиял на исход результатов голосования на европейских участках.

В этом контексте Р.Т. Эрдоган действовал в лучших традициях теории пропаганды Г. Лассуэлла, утверждавшего, что напряженность в обществе является лучшим условием эффективности пропаганды, а деморализация врага и пробуждение к нему ненависти — одними из ее главных стратегических целей (Лассуэлл, 1929, с. 166). И если Г. Лассуэлл обосновывал свою теорию прежде всего в условиях вооруженного столкновения и традиционной войны, то Эрдоган умело экстраполирует эти знания и свои заслуживающие уважения ораторские способности на другую плоскость — войны ценностей и интересов (Аватков, 2019, с. 113). В рамках европейского кризиса (Шлыков, 2020, с. 113) президент Турции действовал, четко следуя этим заветам и провоцируя общественность на своеобразный «рванш».

«Они ничего не знают о международных отношениях и дипломатии. Они дрожащие от страха трусы. Они нацистские недобитки и фашисты»¹³, — именно в такой жесткой манере президент Турции тогда высказался о происходящем, явно стараясь получить соответствующий отклик от представителей турецкой общины. Если к этим словам добавить перманентные упреки Р.Т. Эрдогана в разжигании исламофобии и дискриминации, то пункт о пробуждении ненависти к противнику в целом можно считать выполненным. Что касается вопроса напряженности в обществе, то в данном случае она возникла естественным образом вследствие череды запретов со стороны европейских руководителей и усилившихся на этом фоне противоречий.

¹³ Куприянов А. Эрдоган, нацизм и апельсины // Lenta.ru. 14.03.2017. URL: https://lenta.ru/articles/2017/03/14/eu_turkey/ (дата обращения: 01.12.2020).

В конечном итоге лидер Турецкой Республики получил то, к чему стремился. За рубежом наблюдался рост поддержки президента со стороны электората, о чем свидетельствуют и результаты голосования. Диаспора сказала «да» конституционным поправкам, которые в действительности означали переход к президентской системе правления, в наиболее «проблемных» с точки зрения организации референдума регионах — в Германии, Франции, Австрии и Нидерландах¹⁴. При этом следует отметить, что с тех времен президент Турецкой Республики практически не изменил свою тактику: вся европейская политика современной Турции в целом сводится к действиям в рамках вышеописанной схемы и базируется на популистских и провокационных высказываниях Р.Т. Эрдогана.

Инициативность, гуманность, популизм

Отдельного внимания заслуживает популистская идеологема министра иностранных дел Турции, который заявил, что внешняя политика Турции будет инициативной (*girişimci*) и гуманитарной / ориентированной на человека (*insani*)¹⁵. Инициативность внешней политики Турции не вызывает сомнений: если еще несколько лет назад внешнеполитическая активность Турции во многом ограничивалась Центральной Азией, Ближним Востоком и — частично — Северной Африкой, то сегодня, помимо названных регионов, Турецкая Республика является активным игроком в Восточном Средиземноморье, Закавказье, а также на пространстве Западной и Восточной Африки.

История с конфликтом вокруг геолого-разведочной деятельности Турции в водах Средиземного моря, а затем и поддержка Азербайджана в ходе военных действий в

¹⁴ Конституционный референдум в Турции в 2017 году // РИА Новости. 24.04.2017. URL: <https://ria.ru/20170424/1492828175.html> (дата обращения: 01.12.2020).

¹⁵ Çavuşoğlu M. 2021 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız // T.C. Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2021-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения: 01.12.2020).

Нагорном Карабахе ознаменовали новый этап внешней политики Турецкой Республики, которая, судя по всему, решила не ограничиваться близлежащими регионами в вопросе укрепления влияния на международной арене.

Кроме того, отличительной чертой инициативности Турции в последнее время является ее все более заметный переход в военную плоскость с приобретением явного милитаристского акцента. Так называемые «антитеррористические» военные операции, которые проводятся ВС Турецкой Республики на территориях приграничных государств (Сирии и Ирака) без соответствующего разрешения правительств этих государств, уже вошли в обыкновение, став неотъемлемой частью внешней политики страны.

Более того, руководство Турецкой Республики придает военным кампаниям особое значение, транслируя идею об исключительной роли Турции в борьбе с терроризмом и формируя противоречивое общественное мнение в целях сплочения общества. Так, например, резюмируя итоги антитеррористической деятельности Турции на фоне начала операции «Источник мира» в 2019 г. президент Р.Т. Эрдоган, отметив, что Турция и турецкий народ не сдавались никогда в истории, заявил: «Мы сделали то, что должны были сделать. Мы вместе с нашей нацией подняли боевой флаг»¹⁶.

Вместе с тем популистская риторика используется Турцией в контексте национальных достижений в области военной техники, причем иногда за счет прозападных изданий и СМИ (Wuthrich & Ingleby, 2020). Так, например, на фоне событий в Нагорном Карабахе в интернет-версии американской газеты *The Washington Post* вышла статья, повествующая о военных успехах Турции и особой роли турецких беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в Сирии, Ливии и на Кавказе. В статье, в частности, приводятся комментарии

¹⁶ Cumhurbaşkanı Erdoğan: 'Barış Pınarı Harekatı'nın sona ermesi için tek şartımız var!' // Milliyet. 16.10.2019. URL: <https://www.milliyet.com.tr/siyaset/cumhurbaskani-erdogan-baris-pinari-harekatinin-sona-ermesi-icin-tek-sartimiz-var-6058227> (accessed: 01.12.2020).

профессора Университета Алтынбас (г. Стамбул): «Они (дроны) рассматриваются как источник национальной гордости и бесспорный символ того, что Турция в состоянии позаботиться о себе сама»¹⁷. Принимая во внимание, что автор статьи — глава стамбульского отделения газеты — много лет работал на западные издания и получил образование в США, можно сделать вывод, что современная Турция имеет «своих» людей даже в крупных нетурецких СМИ, пропагандирующих ценности Турецкой Республики. Символично, что даже во время военного переворота 2016 г. Р.Т. Эрдоган обратился к своим гражданам с призывами защищать демократию через эфир в FaceTime, транслируемый CNN Türk — турецкой версией одного из крупнейших американских телеканалов¹⁸.

Что касается гуманитарного вектора внешнеполитической линии Турции, то «человекоориентированная» политика Турецкой Республики в особенности проявилась в период общемировой пандемии. На фоне распространения COVID-2019 Анкара сделала ставку на собственные силы, что вписывается в популистские меры, направленные как на внутреннее, так и внешнее потребление. Турция демонстрирует готовность защищать все человечество, раздавая вакцины и гуманитарную помощь малообеспеченным (и не только) странам. При этом обстановку с распространением вируса в самой Турции, равно как и экономическую ситуацию в стране, едва ли можно охарактеризовать как не вызывающую беспокойства.

Тем не менее на саммите G20 в 2020 г. глава Турции охарактеризовал усилия своей страны следующим образом: «В борьбе с

¹⁷ Fahim K. Turkey's military campaign beyond its borders is powered by homemade armed drones // The Washington Post. November 29, 2020. URL: https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/turkey-drones-libya-nagorno-karabakh/2020/11/29/d8c98b96-29de-11eb-9c21-3cc501d0981f_story.html (accessed: 02.12.2020).

¹⁸ Genc K. Erdogan's Way. The Rise and Rule of Turkey's Islamist Shapeshifter // Foreign Affairs. September/October 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/turkey/2019-08-12/erdogans-way> (accessed: 02.12.2020).

пандемией Турция находилась рядом со своими друзьями и братьями, при этом удовлетворяя собственные потребности и отвечая на запросы о помощи 156 стран и 9 международных организаций»¹⁹. Помимо тюркских государств Турция действительно активно отправляла гуманитарные грузы в Европу, в том числе в страны Балканского субрегиона. Символично, что на ящиках турецкой гуманитарной помощи была прописана философская цитата «Безысходность оставит место надежде. Восход сменит мрак»²⁰ авторства небезызвестного в мире ислама Мевляны Джалалуддина Руми — одного из влиятельнейших суфиев, чье учение легло в основу одного из самых известных тарикатов мевлевийя. Исходя из этого, можно сделать вывод, что даже таким образом Турция пытается продвигать свои ценности во внешнеполитическую сферу.

Популист с харизматическим типом лидерства

Очевидно, что сегодня турецкий популизм является составляющей современной политической культуры страны. При этом, как уже отмечалось, несмотря на иногда проявляющееся стремление стать частью Запада, которое выражается в участии Турции в интеграционных процессах в Европе, турецкий политический процесс больше относится к восточному типу. Если рассматривать образ главы страны Р.Т. Эрдогана — основного

идеолога турецкого популизма — с точки зрения взглядов М. Вебера, то тип его лидерства, несмотря на законность процедуры прихода к власти, скорее соотносим с харизматическим (Воронин, 2014, с. 39), нежели чем с так называемым легальным, а политик сам по себе является ярким популистом.

Еще не являясь президентом, Р.Т. Эрдоган вместе с созданной им Партией справедливости и развития появился в политической жизни Турции в критический для страны период. В эпоху затяжного экономического кризиса начала 2000-х гг. сильная команда Р.Т. Эрдогана смогла выполнить свои предвыборные обещания, вернув Турцию на путь социально-экономического благополучия и развития. Несмотря на то, что и ПСР в 2002 г., и сам Р.Т. Эрдоган в 2014 г. одержали победу на выборах законным демократическим путем, ставка в турецком обществе скорее была сделана на веру в будущего президента, на Р.Т. Эрдогана как личность и только потом — на аффилированную с ним политическую структуру.

Интересно, что турецкий популизм, в отличие от многих других мировых примеров, дает практические результаты. Слова притягивают действия, за идеями выстраивается рост влияния Анкары. Формирование идеализированной научно-образовательной среды в Африке, тюркских странах Центральной Азии и Кавказа создает предпосылки для создания лоббистских групп, которые воспринимают Турцию как центр мирового порядка.

Так, например, с активизацией турецкой политики в некоторых арабских государствах начали появляться политические партии «Справедливости и развития» (Надеин-Раевский, 2017, с. 151), подобные правящей турецкой. В сознании тюркских центрально-азиатских государств уже давно укрепилось восприятие Турции как главного покровителя «тюркского мира», а в некоторых особенно приближенных к Анкаре странах и вовсе сформировались протурецкие властные элиты. Наиболее наглядным примером такого государства служит Азербайджанская Республика, где во время эскалации Нагорно-Карабахского конфликта в 2020 г., по данным

¹⁹ Erdoğan: Türkiye kendi ihtiyaçlarını karşılayarak 156 ülkeye destek verdi // BirGün. 21.11.2020. URL: <https://www.birgun.net/haber/erdogan-turkiye-kendi-ihiyaclarini-karsilayarak-156-ulkeye-destek-verdi-323745> (accessed: 02.12.2020).

²⁰ Турция направила помощь для борьбы с Covid-19 в Великобританию // Агентство Анадолу. 10.04.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D1%89%D1%8C-%D0%B4%D0%BB%D1%8F-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D1%8C%D0%B1%D1%8B-%D1%81-covid-19-%D0%B2-%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8E/1799529> (дата обращения: 02.12.2020).

СМИ, военные Турции осуществляли непря-
мое содействие азербайджанской армии²¹,
а популярное выражение «Две нации — одно
государство» со временем стало больше
походить на реальность.

Заключение

Таким образом, на фоне складывания по-
лицентричного миропорядка (Громыко, 2016)
и с приходом к власти сначала Партии спра-
ведливости и развития (Ульченко, 2012, с.
83), а затем и Р.Т. Эрдогана в качестве прези-
дента популизм занял одно из главных мест
во внешней политике современной Турецкой
Республики. За счет своих популистских
высказываний президент Турции достигает
многих поставленных внутри- и внешнеполи-
тических целей.

Не считая его победы на выборах и сам
факт прихода к власти (что тоже во многом
обусловлено грамотно выстроенной предвы-
борной кампанией и содержательными агита-
ционными речами), Р.Т. Эрдоган, коренным
образом реформируя годами неизменные
принципы, постепенно прокладывает новый
путь новой Турции к активному участию в
формирующейся полицентричной системе
международных отношений. В рамках этой
системы глава Турции видит свою страну как
минимум одним из мировых центров силы и
как максимум — наследницей великой импе-
рии, заслуживающей привилегированного
положения на международной арене.

Благодаря популизму Р.Т. Эрдогана Тур-
ция сегодня укрепляется в качестве лидера

исламского сообщества и «тюркского мира»,
а также активным образом демонстрирует ак-
торам мировой политической системы свою
самостоятельность, независимость и готов-
ность помогать другим, защищая «угнетен-
ные» народы. Несмотря на то, что во многом
такого рода политика обусловлена чрезмер-
ными амбициями президента Турецкой Рес-
публики, следует признать, что Р.Т. Эрдоган
является примером опытного политика и,
более того, прекрасного оратора, владеющего
искусством вербальной борьбы и умеющего
словом расставить все необходимые акценты.
Президент Турции грамотно доносит смысло-
вые послы практически до всех слоев
населения внутри страны и четко обозначает
свои приоритеты на внешнеполитическом
пространстве.

При этом турецкий популизм только
входит в основную фазу своего развития. В
этой связи необходимо подчеркнуть, что
дальнейший успех популистских инициатив
Турции будет напрямую зависеть от лично-
сти, которая возглавит государство в буду-
щем. Учитывая, что в 2023 г. Турцию ждут
всеобщие выборы, а поддержка Р.Т. Эрдогана
среди неконсервативной части населения по-
прежнему невелика (одно из «слабых мест»
популизма Р.Т. Эрдогана), то говорить о
безоговорочной победе действующего прези-
дента в грядущей выборной гонке прежде-
временно. Популизм, прочно укрепившийся в
турецкой политике, с наибольшей вероятно-
стью останется с Турцией при любом исходе,
однако степень его эффективности может
быть снижена, а сферы применения попу-
листских механизмов, как и сами популист-
ские методы, в дальнейшем могут быть
подвергнуты существенным изменениям.

Поступила в редакцию / Received: 13.01.2021
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2021

Библиографический список

- Аватков В.А. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 113—129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129
- Аватков В.А. Кризис турецкой идентичности // Политика и общество. 2017. № 4. С. 96—103. DOI: 10.7256/2454-0684.2017.4.19718
- Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69—89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06

- Воронин С.А. Власть — это то, чего всегда не хватает. О природе и типологии политического лидерства, типов политических систем и режимов в историческом процессе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2014. № 3. С. 32—57.
- Глазова А.В., Иваненко В.И., Колесников А.А., Свистунова И.А. Влияние «арабской весны» на неарабские страны Ближнего Востока // Россия и мусульманский мир. 2015. № 4 (274). С. 94—117.
- Громыко А.А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5—12. DOI: 10.15211/soveurope620160510
- Киреев Н.Г. Турция: что в багаже у партии власти «умеренного ислама» // Россия и мусульманский мир. 2004. № 8. С. 87—100.
- Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне. М.-Л.: Государственное издательство, 1929.
- Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1 (58). С. 139—156. DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-139-156
- Надеин-Раевский В.А. Р.Т. Эрдоган как пример политика-харизматика // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т. 10. № 6. С. 138—151. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154
- Наушкин В.В. Курдская головоломка Ближнего Востока (на примере Ирака) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 76—87. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-76-87
- Печатнов В.О. Феномен Трампа и американская демократия // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1. С. 13—34. DOI: 10.17994/IT.2017.15.1.48.3
- Савичева Е.М. К вопросу о геополитической ситуации на Ближнем Востоке: взаимодействие региональных и глобальных тенденций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 3. С. 14—21.
- Ульченко Н.Ю. Социально-экономическая политика Партии справедливости и развития Турции: от популизма к популярности // Восток. Афро-азиатские общества и современность. 2012. № 3. С. 72—86.
- Шлыков П.В. Между США, Европой и Азией: трансформация внешнеполитических приоритетов Турции // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1 (105). С. 110—135. DOI: 10.31249/ape/2020.01.06
- Ataç C.A. Pax Ottomanica No More! The “Peace” Discourse in Turkish Foreign Policy in the Post-Davutoğlu Era and the Prolonged Syrian Crisis // *Digest of Middle East Studies*. 2019. No. 1. P. 48—69. DOI: 10.1111/dome.12152
- Balcı A. *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar*. İstanbul: ALFA, 2017.
- Baran Z. *Torn Country. Turkey between Secularism and Islamism*. Stanford: Hoover Institution Press, 2010.
- Mudde C. The Populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39. No. 4. P. 541—563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x
- Ünal M. AK Parti Döneminin Demokratikleşme Adımları // *Kuruluşundan bugüne AK Parti. Siyaset*. İstanbul: SETA Kitapları, 2018. P. 261—274.
- Weyland K. Latin America’s Authoritarian Drift. The Threat from the Populist Left // *Journal of Democracy*. 2013. Vol. 24. No. 3. P. 18—32. DOI: 10.1353/jod.2013.0045
- Wuthrich F.M., Ingleby M. The Pushback Against Populism: Running on “Radical love” in Turkey // *Journal of Democracy*. 2020. Vol. 31. No. 2. P. 22—40. DOI: 10.1353/jod.2020.0034

References

- Ataç, C. A. (2019). Pax Ottomanica no more! The “peace” discourse in Turkish foreign policy in the post-Davutoğlu era and the prolonged Syrian crisis. *Digest of Middle East Studies*, (1), 48—69. <https://doi.org/10.1111/dome.12152>
- Avatkov, V. A. (2017). Turkish identity crisis. *Politics and Society*, (4), 96—103. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.4.19718>
- Avatkov, V. A. (2019). Ideology and values in Turkey’s foreign policy. *MGIMO Review of International Relations*, 12(4), 113—129. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129>
- Balcı, A. (2017). *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar*. İstanbul: ALFA.
- Baran, Z. (2010). *Torn country. Turkey between secularism and Islamism*. Stanford: Hoover Institution Press.
- Glazova, A. V., Ivanenko, V. I., Kolesnikov, A. A., & Svistunova, I. A. (2015). Impact of the Arab Spring upon non-Arab countries in the Middle East. *Russia and the Moslem world*, (4), 94—117. (In Russian).
- Gromyko, A. A. (2016). New populism and the post-Cold War order in the making. *Contemporary Europe*, (6), 5—12. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope620160510>
- Kireev, N. G. (2004). Turkey: What is in the luggage of the “moderate islam” party. *Russia and the Moslem world*, (8), 87—100. (In Russian).

- Lasswell, G. D. (1929). *Propaganda technique in the World War*. Moscow—Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo publ. (In Russian).
- Mudde, C. (2004). The Populist zeitgeist. *Government and Opposition*, (4), 541—563. <https://doi.org/10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x>
- Nadein-Raevskiy, V. A. (2017). R.T. Erdogan as an example of a charismatic politician. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 10(6), 138—151. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-138-154>
- Nadein-Raevskiy, V. A. (2020). Turkish policy in the Middle East. *Pathways to Peace and Security*, 1(58), 139—156. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-1-139-156>
- Naumkin, V. (2019). The Kurdish conundrum of the Middle East (the case of Iraq). *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 63(5), 76—87. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-76-87>
- Pechatnov, V. O. (2017). The Trump phenomenon and American democracy. *Mezhdunarodnye Processy*, 15(1), 13—34. (In Russian). <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.1.48.3>
- Savicheva, E. M. (2014). On geopolitical situation in the Middle East: Interaction between regional and global trends. *Vestnik RUDN. International Relations*, (1), 14—21. (In Russian).
- Shlykov, P. V. (2020). Between the US, the EU and Eurasia: Transformation of foreign policy priorities of Turkey. *Current Problems of Europe*, (1), 110—135. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/ape/2020.01.06>
- Ulchenko, N. Yu. (2012). Socio-economical policy of Justice and Development Party of Turkey: From populism to popularity. *Vostok. Afro-Aziatskie Obschestva: Istorii i Sovremennost*, (3), 72—86. (In Russian).
- Ünal, M. (2018). AK Parti Döneminin Demokratikleşme Adımları. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti. Siyaset*. İstanbul: SETA Kitapları.
- Vainshtein, G. I. (2017). Modern populism as a subject of political science. *Polis. Political Studies*, (4), 69—89. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06>
- Voronin, S. A. (2014). Power is what is never enough. About the nature and typology of political leadership, types of political systems and regimes in the historical process. *RUDN Journal of World History*, (3), 32—57. (In Russian).
- Weyland, K. (2013). Latin America's authoritarian drift. The threat from the populist left. *Journal of Democracy*, (3), 18—32. <https://doi.org/10.1353/jod.2013.0045>
- Wuthrich, F. M., & Ingleby, M. (2020). The pushback against populism: Running on “radical love” in Turkey. *Journal of Democracy*, (2), 22—40. <https://doi.org/10.1353/jod.2020.0034>

Сведения об авторе: Аватков Владимир Алексеевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук; доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации; ORCID: 0000-0002-6345-3782; e-mail: v.avatkov@gmail.com

About the author: Avatkov Vladimir Alekseevich — PhD in Political Science, Senior Research Fellow, Center for post-Soviet studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS); Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; ORCID: 0000-0002-6345-3782; e-mail: v.avatkov@gmail.com